

ПЕРЕВОДЫ И ВОСПРИЯТИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА В СТАРОМ И НОВОМ СВЕТЕ

Ю.Л. Оболенская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; obolens7@yandex.ru*

Аннотация: В статье исследуются особенности рецепции творчества Пушкина национальными культурами стран Европы, США и Латинской Америки, дается обзор основных этапов истории переводов его произведений на французский, английский, немецкий, итальянский и испанский языки. Сложившиеся национальные переводческие традиции и проанализированные в статье первые переводы пушкинской поэзии и прозы отражали особенности общественно-политического и культурно-исторического контекста принимающих стран, духовную атмосферу и эстетические приоритеты определенной эпохи, национальные литературные традиции. Особое внимание уделяется роли популяризаторов русской литературы в Европе и Америке, а также роли литературной критики.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; переводы в Италии, Франции, Англии, Германии, Испании, США, Латинской Америке; рецепция; культурное посредничество

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-01-2

Для цитирования: Оболенская Ю.Л. Переводы и восприятие произведений А.С. Пушкина в Старом и Новом Свете // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 1. С. 16–36.

TRANSLATIONS AND PERCEPTION OF A.S. PUSHKIN'S WORKS IN THE OLD AND NEW WORLD

Yu.L. Obolenskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; obolens7@yandex.ru

Abstract: The article examines the peculiarities of the reception of Pushkin's work by the national cultures of Europe, the USA and Latin America, and provides an overview of the main stages in the history of translations of his works into French, English, German, Italian and Spanish. The established national translation traditions and the first translations of Pushkin's poetry and prose analyzed in the article reflected the peculiarities of the socio-political, cultural and historical context of the

host countries, the spiritual atmosphere and aesthetic priorities of a certain era, and national literary traditions. Special attention is paid to the role of popularizers of Russian literature in Europe and the Americas, as well as the role of literary criticism.

Keywords: A.S. Pushkin; translations in Italy, France, England, Germany, Spain, USA, Latin America; reception; cultural mediation

For citation: Obolenskaya Yu.L. (2025) Translations and Perception of A.S. Pushkin's Works in the Old and New World. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 16–36.

Эта статья — введение в необъятную проблематику исследований удивительного культурного феномена: судьбы произведений Пушкина в Европе и обеих Америках. Конечно, формат статьи не позволяет нам представить всеобъемлющий анализ этой темы, здесь мы остановимся на обстоятельствах *знакомства* с творчеством Пушкина ряда национальных культур, поскольку эти обстоятельства обусловили выявленные нами закономерности в сложившейся традиции перевода и рецепции его произведений. С именем поэта Европа познакомилась в 1821 г. (с первого упоминания в *Revue encyclopédique*), и уже к концу 1820-х гг. появились первые переводы его произведений на английский, итальянский, французский и немецкий языки, а чуть позже — на испанский. Это значит, что о русском поэте в Европе стало известно не просто еще при жизни, но и почти в самом начале его поэтического творчества. Два века вроде бы достаточно как для формирования традиции восприятия и оценки творчества русского гения, так и для становления национальных традиций перевода его произведений. Более сорока памятников поэту на всех континентах (кроме Антарктиды, но включая Австралию), переводы его произведений на 210 языков — это ли не свидетельство признания его вклада в мировую культуру? Но до сих пор Пушкин, признанный основоположником русской литературы, известен большинству знакомых с русской культурой за рубежом как писатель, вдохновивший великих русских композиторов на создание трех культовых опер, вошедших с конца XIX в. в репертуары ведущих мировых театров.

Подавляющему большинству читателей по обе стороны Атлантического океана Пушкин стал известен в юншестве как автор повести «Капитанская дочка», входившей в списки курсов мировой литературы колледжей большинства европейских стран. Можно ли в таком случае говорить о состоявшемся знакомстве инациональных культур с пушкинским наследием? Оказалось ли его творчество востребовано западной культурой, оказало ли какое-либо влияние, что именно из его наследия и когда переводилось, как и кем оценивались и трактовались переводные произведения?

Речь пойдет не только об истории переводов или восприятия творчества русского гения, мы постараемся проследить, в какой мере рецепция его творчества отражала особенности общественно-политического и культурно-исторического контекста принимающих стран, духовную атмосферу и эстетические приоритеты определенной эпохи, национальные литературные традиции. Потому что без учета особенностей культурно-исторического контекста времени, когда переводились произведения Пушкина, сложно понять и особенности восприятия и оценки его творчества.

Перечислим хотя бы неполный список причин невысокой популярности произведений Пушкина у зарубежных читателей (исключая специалистов-славистов) при повсеместном официальном признании его заслуг. Среди них фрагментарность пушкинского наследия в Европе и обеих Америках, очень небольшое количество хороших переводов и изданий собраний сочинений Пушкина, отсюда и почти полное отсутствие представления о жанровом богатстве его творчества и экспериментальном характере стиля, а также укоренившееся восприятие Пушкина как «русского Байрона» или даже соперника Байрона, а главное — романтика, *уступающего* титанам русской реалистической школы, с которыми читатели его неизбежно сравнивают.

Судьбы творений всех русских писателей в Старом и Новом Свете складывались по-разному. Их востребованность обуславливалась способностью переведенного произведения отвечать на вопросы, которые в конкретный момент волновали общество. Ведь в отличие от оригиналов переводы не пишутся *в стол* или для грядущих поколений, их должны купить, прочесть и оценить сразу, поэтому определяющим для выбора издателя/переводчика/читателя зачастую помимо мнения критики является созвучность мировосприятия, эстетических и идейных позиций автора и предполагаемого читателя. Важно учитывать и то, что русские читатели, обладая сходной исторической и художественной памятью, оценивают творения *своих* национальных писателей *изнутри* воплощенной в них картины мира, и поэтому для нас само произведение всегда более содержательно и информативно насыщено, а автор узнаваем и отличен от других, хотя, конечно, восприятие его творчества с годами меняется вместе с читателем. Причем русские читатели знают и любят одного (хотя и всякий раз изумляющего нас новизной) Пушкина, одного Гоголя или Достоевского. А читателям переводов может быть известна дюжина Достоевских и Пушкиных, в зависимости от того, сколько разных переводов им довелось прочесть. Эти *разные* Пушкины сосуществуют в их сознании и в их библиотеках, а разные переводы дополняют друг друга, раскрывая

новые смыслы и стороны, но их *разноликость* затрудняет целостное восприятие. Кроме того, естественно, что творчество переводного писателя будет вольно или невольно сопоставляться и переводчиками, и читателями с уже знакомыми им иностранными или отечественными авторами.

Может быть, недооценка Пушкина за рубежом обусловлена несвоевременностью позднего знакомства с ним или незнанием биографии поэта и значения его творчества для русской литературы? Именно эти причины выдвигает на первый план М.П. Алексеев, рассуждая о непопулярности «вневременного» Пушкина в Европе¹. Но доводы эти не совсем верны, как неверен, на мой взгляд, и вывод о том, что «роль Пушкина-борца и последовавшая за этой борьбой его трагическая гибель» были неизвестны на Западе. Скорее напротив, трагическая судьба Пушкина вызвала читательский интерес к его произведениям, а в ряде стран привела к созданию поистине парадоксальной ситуации. Дело в том, что почти до конца 1930-х гг. переводов его в Европе было ничтожно мало, но при этом уже в середине XIX в. критикой была высказана высокая оценка роли Пушкина в создании национальной самобытной русской литературы и его вклада в освободительное движение в России. Причем это мнение высказывали авторитетные авторы (Мериме, Дюма, М. де Вогюэ²). Широко популярна была восторженная речь Гюго во время знаменитого европейского чествования поэта, проведенного по телеграфу в связи с торжествами 1880 г. в Москве.

Активную роль в знакомстве с творчеством Пушкина сыграла Франция, в XIX в. выполнявшая роль посредницы между культурами России и западного мира. Именно Франция с конца 1820-х гг.

¹ М.П. Алексеев видит причины этого в том, что переводное произведение «воспринимается зачастую в некой искусственной изоляции от его исторической и литературной среды, получает значение вневременного явления, сопоставляемого не с его современниками, но с писателями, близкими, знакомыми для данного читательского круга» (Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: Материалы дискуссии 11–15 января 1960 г. М., 1961. С. 38). Но ведь так происходит практически со всеми иностранными писателями! С точки зрения М.П. Алексеева, Пушкина на Западе не знают именно по причине его вневременности, из-за того, что его творчество не было воспринято там во всей полноте, оказавшись «в изоляции от создавшей его исторической и литературной среды», вне «истории его становления... борения с литературными и общественными силами». Указ. соч. С. 39.

² Французское издание его ставшей широко известной в Европе книги «Русский роман» (*Le roman russe*, Paris, Librairie Plon, 1886 г.) сразу же вышло в русском переводе. А в статье испанца Э. Кастеляра, переведенной на итальянский в 1874 г., Пушкин был объявлен «насадителем романтизма в России», причем его романтизм выражал протест русской национальности «против опутавших ее немцев». Цитирую высказывания Кастеляра по статье: *Provenzal A. Pushkin guidicado da Castelar Estratto dalla Rivista Europea. Firenze. 1874. P. 9–12.*

диктовала литературную моду, преимущественно с французских переводов делались переводы «с русского» на другие европейские языки, и, таким образом, русская литература приходила к читателям других стран в довольно *офранцузенном* виде. Немалый вклад в создание искаженного образа русских писателей и, в частности, Пушкина внесло и русское дворянство, ведь первые *любительские* переводы на европейские языки делали именно дворяне, воспитанные на французской культурной и литературной традиции и поэтому почитавшие ее верхом совершенства. Они же стали первыми пропагандистами и популяризаторами русской литературы и творчества Пушкина на Западе уже в первой трети XIX в. Так, например, в 1839 г. кн. Н. Голицын перевел оду «Клеветникам России»³, а вскоре кн. Э. Мещерский издал двухтомник с переводами нескольких стихов и отрывков поэм.

Первый памятник Пушкину был поставлен сразу после его смерти в 1837 г. в Италии по инициативе кн. З. Волконской. Вскоре появились и первые переводы на итальянский язык, выполненные Александрой Безобразов⁴. Во введении к своим переводам отрывков из «Евгения Онегина» в прозе она замечает, что «роман не принадлежит к числу выдающихся произведений Пушкина, но, осознавая трудности, которые возникнут при переводе национальных произведений, она выбирает героев, которые могут принадлежать к любой цивилизованной нации»⁵.

Отметим, что во Франции сразу после смерти поэта в 1837 г. критик Шарль Бодье в *Revue des Deux Mondes* публикует статью «Пушкин», где среди потока восхвалений поэта замечает: «Он создал настоящий культ формы; содержание его беспокоит мало», он также пишет, что Пушкин не создан для драмы, весьма низко оценивая «Бориса Годунова»⁶. Во Франции впервые стихотворения Пушкина (отрывки из «Кавказского пленника» и «Руслана и Людмилы») появились в переводах, вошедших в «Русскую антологию» Э. Дюпре де Сен-Мора (*Anthologie Russe*. Paris, 1823). А первыми критическими исследованиями, получившими широкую известность в Европе,

³ Кстати, первый перевод оды был сделан С.С. Уваровым.

⁴ Софья Павловна (Безобразова) Де Губернатис?

⁵ Цитирую это введение по статье: Тик Н.А. «Первые переводы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на итальянский язык» // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 68. О ранних переводах Пушкина в Италии и своей работе рассказал итальянский славист — создатель нового стихотворного перевода «Евгения Онегина» Дж. Гини в интервью информационному portalу «Русский мир» 18.10.2021.

⁶ *Revue française et étrangère*, 1837, vol. III, pp. 352–392. Подробнее о первых статьях во Франции см.: Алексеев М.П. Пушкин за Западе // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 3, М.; Л. С. 123–124.

стали работы Мериме (1849), Дюма (1865), ну а главным в те годы, конечно, оказался труд М. де Вогюэ «Русский роман» (1880).

Вслед за французскими переводами все известные поэмы Пушкина долгое время в Европе переводились прозой как повести. А вот первые стихотворные переводы появились на английском языке и были выполнены современником Пушкина И. Козловым в 1830 г. (отрывки из «Бахчисарайского фонтана»), а уже после смерти поэта под псевдонимом *The Russian Lady* свои переводы публикует Анна Таратынская.

Британцев привлек сюжет «Пиковой дамы», перевод которой был впервые опубликован в Эдинбурге в 1850 г.; затем она издавалась около 20 раз, и в Нью-Йорке в переводе Дж. Нока она стала чрезвычайно популярна уже во второй половине XIX в. В 1870-е опубликованы переводы нескольких из «Повестей Белкина». В 1881 г. английский полковник Сполдинг впервые перевел всего «Евгения Онегина», этот перевод (кстати, стихотворный) ехидно оценил И.С. Тургенев в довольно часто цитируемом письме к П.В. Анненкову: «Верности невероятной, такой же изумительной дубинности». Над английскими переводами Пушкина работало более 140 переводчиков, причем многие — совершенно случайные люди. Казалось бы, открыть новую эру переводов романа в стихах должен был 1000-страничный перевод с комментариями В.В. Набокова (1964)⁷, над которым он работал 15 лет (впрочем, это был перевод ритмизованной прозой), но *прорыва* не произошло! Перевод скучен и, хотя и снабжен целой энциклопедией комментариев, так и остался трудом для специалистов. К.И. Чуковский в неоконченной статье «Онегин на чужбине» довольно жестко охарактеризовал все имевшиеся к концу 1960-х гг. английские переводы «Онегина»: «Читаешь их и с болью следишь, из страницы в страницу, как гениально лаконическую, непревзойденную по своей дивной музыкальности речь <...> переводчики всевозможными способами превращают в дешевый набор гладких, пустопорожних, затасканных фраз»⁸. Правда, в статье приводится пример и относительно успешного перевода Ю. Кейдена, потратившего на перевод 20 лет, хотя в результате у него получилась лишь «та же бесконечная удаленность от Пушкина». Всего существует более 40 англоязычных переводов «Евгения Онегина», а луч-

⁷ Eugene Onegin. A Novel in verse by Alexandr Pushkin. Tr... by Vladimir Nabokov in four vol. 1964.

⁸ Эта статья была впервые опубликована в журнале «Дружба народов» (1988. № 4. С. 246–257). И в ней Чуковский жестко критикует самые известные переводы «Евгения Онегина» на английский: Бабетт Дейч (1936), Оливера Элтона (1937), Уолтера Арндта (1964), а кроме того, полемизирует с Набоковым, критикуя его комментарии, особенно досталось комментариям 2 тома.

шим до недавних пор считался перевод американца Дж. Фолена 1990 г., однако совсем недавно опубликован перевод романа, vyplненный Дж. Г. Лоуэнфельдом: он точнее и бережнее передает и пушкинскую интонацию, и онегинскую строфу.

В США и Англии издаются и в этом веке десятки новых переводов поэзии Пушкина; по количеству, да и по качеству переводов произведений Пушкина англоязычные издания, пожалуй, опережают другие страны Европы. Переводчики в Англии и в США уже в первых переводах XIX в. редко прибегали к прозаическому переводу поэзии и уже со второй трети XX в. пытаются решать вопросы передачи особенностей пушкинского стиха.

Для сравнения приведу две интерпретации одного из пушкинских шедевров на английском языке: высоко оцененный Чуковским перевод 1928 г. англичанина Р. Хьюитта (1887–1948) и оцениваемый сегодня как лучший перевод вышеупомянутого ньюйоркца Дж. Г. Лоуэнфельда:

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

(1829)

*I loved you even now I may confess,
Some embers of my love their fire
retain;
But do not let it cause you more
distress,
I do not want to sadden you again.
Hopeless and tongue-tied, yet I loved
you dearly
With pangs the jealous and the timid
know;
So tenderly I loved you, so sincerely,
I pray God grant another love you so.*

(Tr. by Reginald Hewitt)

*I loved you once, and still, perhaps, love's
yearning
Within my soul has not quite burned
away.
But may it nevermore you be concerning;
I would not wish you sad in any way.
My love for you was wordless, hopeless
cruelly,
Drowned now in shyness, now in jealousy,
And I loved you so tenderly, so truly,
As God grant by another you may be.*

(Tr. by Julian Henry Lowenfeld)

Первый перевод написан 100 лет спустя после оригинала, для того времени задача сохранения смысла и рифмы переводчиком была решена, на мой взгляд, вполне успешно, и вот прошло еще почти 100 лет, и в переводе Лоуэнфельда ритм и музыка стиха переданы почти безупречно.

Первый немецкий перевод «Кавказского пленника» был напечатан в Петербурге в 1823 г. в типографии А. Красовского, а его переводчиком был петербургский немец — Вульферт. В самой Германии первый перевод стихотворения «Роза» появился уже в 1821 г., затем успехом пользовались романтические поэмы. В 1823 г. вместе с фрагментом из «Руслана и Людмилы» в поэтической антологии К. Ф. дер Борга («Поэтические опыты русских», куда вошли поэты начиная с Ломоносова и Державина и заканчивая молодым Пушкиным) публикуется эпиграмма «История стихотворца», правда, без имени автора. В 1825 и 1826 гг. в Германии публикуются первые статьи о русской литературе Ф. Отто, их становится больше в середине 1820-х, а в *Breslauer Zeitung* в сентябре 1825 г. публикуют перевод «Черкесской песни» из «Кавказского пленника» и подробное описание содержания «Бахчисарайского фонтана». О Пушкине знал и Гете: существует легенда (или быль?), что в 1826 г. В.А. Жуковский посетил Гете, перевел для него с листа «Сцену из Фауста», и Гете был настолько растроган, что передал в подарок Пушкину свое гусиное перо. Легенда не лишена оснований: популяризатором Пушкина в Германии стала вел. кн. Мария Павловна, которая при дворе герцога Веймарского (ее мужа) создала литературное и научное общество. Это общество объединяло и русофилов, а главное — располагало большой библиотекой произведений русской литературы, которую собирала великая княгиня, большая поклонница таланта Пушкина.

Подавление польского восстания в 1830 г. вызвало в Европе и особенно в Германии бурную реакцию, Пушкин был объявлен выразителем идей самодержавия, очень быстро в Германии публикуется в нескольких переводах его стихотворение «Клеветникам России» (первым стал «пропагандистский» перевод упомянутого выше Вульферта); оно воспринималось как отражение идеологии «кровавого режима» и к 1834 г. было опубликовано шесть раз, а в дальнейшем к нему обращалось более десятка переводчиков!

К концу 1830-х гг. в Германии появляются переводы пушкинской прозы, публикуется ряд статей, содержащих анализ прозы и поэмы Пушкина, а «Борис Годунов» до середины XIX в. был переведен четыре раза! Важнейшую роль в популяризации творчества Пушкина (и русской литературы в целом) в Германии сыграли Жуковский и Тургенев.

Отмечу, что первое в Европе собрание сочинений Пушкина — двухтомник в переводе Р. Липперта — был издан в Лейпциге уже в 1840 г. Из первых немецких переводчиков и популяризаторов творчества Пушкина следует упомянуть В. Вольсона (1820–1865), издателя и лектора. Очень подробно рецепция русской литературы

и произведений Пушкина рассматривается в фундаментальной монографии Ю. Лемана «Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецких писателей с XVIII в. и до настоящего времени» (2018). В 2009 г. во Франкфурте вышло двухтомное издание «Евгения Онегина» в переводе и с комментариями С. Бауман, по сути этот перевод — очень точная, но прозаическая версия в духе набоковского перевода, но за нее переводчица получила Национальную переводческую премию.

«Невостребованность» Пушкина нельзя объяснить только плохой «рекламой» его творчества или невниманием к нему переводчиков и издателей. Скорее дело в трактовке его произведений. Историческими, романтико-приключенческими повестями с ярким экзотическим русским колоритом оказались в первых французских переводах «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», отдельные новеллы из цикла «Повести Белкина», с которых потом делались испанские и итальянские переводы.

В этом отношении очень интересен самый первый перевод «Метели», сделанный А. Дюма и опубликованный в журнале *L'Illustration* в 1843 г. (с него три года спустя был сделан испанский перевод, впервые опубликованный в Валенсии). В переводе Дюма исчезли реалистические описания русского мелкопоместного быта, для него характерны украшающие этот быт добавления, много пропусков или замен. Опущены все упоминания о победе русских в войне 1812 года. Повесть превратилась в сентиментально-романтическую, со всеми необходимыми атрибутами. Испанский переводчик, добросовестно следуя за французским коллегой, передал романтическое бегство Маши по «потайной лестнице» (вместо «заднего крыльца», как было в оригинале) и заменил «белье и платье», которое она увязывает перед побегом, на «платье и драгоценности». От авторской иронии и добродушного подтрунивания над героями в обоих переводах не осталось и следа, напротив, подчеркнуты сословные различия героев, усилены детали, подтверждающие знатное происхождение и богатство героини.

Столь же романтически «завышенным» оказался и ставший классическим французский перевод «Капитанской дочки» Луи Виардо — французского антрепренера, литератора, более известного как муж П. Виардо, — выполненный им в 1853 г. совместно с Тургеневым⁹; с этого перевода двумя годами позже был сделан первый испанский перевод, популярный и в Латинской Америке. Несмотря

⁹ Об активном участии Тургенева в создании других переводов Виардо, в том числе переводов поэтических произведений, см.: [Алексеев 1937: 144].

на кажущуюся точность и скрупулезность, выразившуюся, в частности, в огромном количестве примечаний, объясняющих бытовые и исторические реалии (их до пяти-шести на каждой странице!), получился типичный вальтер-скоттовский роман, только не такой красочный, как ни старались переводчики «приукрасить» оригинал. Он похож скорее на историко-этнографическое повествование, исчезли эпиграфы, сделано много сокращений.

Этнографические примечания Виардо (выполненные, кстати, при участии Тургенева), преследовали действительно важную цель — рассказать читателям о неизвестной им «дикой России», исторических событиях и личностях и т. д. Но, к сожалению, комментарии часто существенно искажали значение русских реалий. Доходило и до смысловых ошибок: например, в сцене взятия Белгородской крепости капитан просит переодеть Машу в сарафан, чтобы выдать за дворовую девку, прислугу, а переводчик делает следующее примечание: «Сарафан — погребальная одежда русских», таким образом, целиком меняя смысл этой драматической сцены! Поясняются не только экзотизмы типа «kvass» (в переводе это разновидность сидра) или «сухари», превращенные в «бисквиты». Телега превращается у Виардо в *petit chariot d'été*. Поскольку в дальнейшем эти комментарии дословно воспроизводились в испанских переводах, то можно сказать, что русские явления приходили в испаноговорящий мир «офранцузенными» не только по форме.

Приведу лишь один короткий пример небольшого фрагмента с реалией «недоросль» и комментарием, сделанным во французском переводе Виардо и испанском переводе некоего В.С.С.:

У Пушкина: «Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками».

Перевод Виардо¹⁰:

«Je vivais en fils de famille (nédoross!), m'amusant à faire tourbillonner les pigeons sur les toits et jouant au cheval fondu avec les jeunes garçons de la cour.» *) Ce mot signifie qui n'pas encore sa croissance. On appelle ainsi les gentilshommes qui n'ont pas encore pris de service*

Перевод В.С.С.¹¹:

«Vivía como hijo de familia (nédoross!) divirtiéndome en perseguir palomas en los tejados y jugando a los soldados con otros jóvenes...» *) Esta palabra significa que todavía no ha crecido. Lllamanse así los caballeros que todavía no han servido.*

¹⁰ La fille du capitaine, par Alexandre Pjuschkine- Tr- de Louis Viardot-Paris, 1853. P. 19.

¹¹ La hiha del capitán. Novela rusa de Alejandro Puschkin. Tr. V.S.C. Madrid, 1879. P. 16.

Испанский переводчик не только дословно воспроизводит переводческие добавки *m'amusant/divirtiéndome* ('развлекался') и французскую орфографию русизма «недоросль». Француз в комментарии и в переводе создает достойную дворянского отпрыска атмосферу: превращает героя в *fils de famille* — сына именитых родителей, живущего на их попечении, но по молодости лет не прошедшего воинскую службу, а недостойная его игра в *чехарду* становится игрой в *солдаты*.

Такие переводы, вместе с переводами «Повестей Белкина», сделанными Дюма и Мериме (в частности, очень полюбившейся французским читателям «Пиковой дамы», первое издание — 1849 г.), затем переводились на другие языки. Французские писатели видели «несовершенство» в краткости бедной стилистическими красотами пушкинской прозы и подгоняли переводимые ими произведения Пушкина под существующие жанровые каноны исторических повестей с любовным сюжетом. Удивительно, что Мериме, называя Пушкина первым поэтом своего времени, ценил его за простоту и глубину мыслей¹², но сам следовал французским канонам «хорошего стиля», дополняя Пушкина. В. Шкловский в «Заметках о прозе русских классиков» приводит пример из перевода «Пиковой дамы», сделанного Мериме, замечая:

«...Насколько... сжатость типична именно для пушкинской прозы, настолько она неожиданна для всей мировой прозы, мы видим по переводам... Переводы эти многочисленны, но редко удачны. Если взять переводы пушкинских произведений, сделанные Мериме, то увидим, что даже этот превосходный стилист, сам пишущий кратко и точно, все время "украшает" пушкинскую фразу ...

Пушкин пишет: "Двери захлопнулись, карета тяжело покати́лась по рыхлому снегу. Швейцар запер двери. Окна померкли". Мериме не может постичь краткости и ритма пушкинской речи. Он переводит: "Дверцы закрылись, (и) карета глухо покати́лась по рыхлому снегу. Швейцар запер двери (на улицу). Окна (первого этажа) померкли, (в доме воцари́лась тишина)". 14 слов превратились в 22»¹³.

Что касается споров зарубежной критики XIX в. о том, национальный ли Пушкин поэт, приведу яркое суждение испанской писательницы-классика Э. Пардо Басан, автора европейского бестселлера конца 1880-х гг. — книги «Революция и роман в России», переведенной на три языка в начале 1890-х, где она, опираясь на суждения М. де Вогюэ (и французской критики в целом), заявляет, что «автор "Бориса Годунова", опутанный сетями романтизма, не

¹² См.: Мериме П. Избранные произведения. М., 1930. С. 492–493.

¹³ Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков. С. 46.

сумел посвятить свои способности развитию национальной поэзии. Произведения Пушкина лишены этнического характера; его меланхолическая грусть — не безнадежная русская тоска, а романтическая *morbidezza* <для нас привычнее обозначать это чувство как английский «сплин». — Ю.О.>, которую почти теми же словами выражают Байрон, Эспронседа и Мюссе» [Pardo Bazán 1973: III, 828].

Подобные выводы не помешали европейской критике признать Пушкина величайшим европейским писателем, великолепным прозаиком, достойным учеником Вольтера, а неоспоримые достоинства «Капитанской дочки» позволили некоторым европейским критикам (Пардо Басан и Вогюэ) оценить ее даже выше некоторых романов В. Скотта. Вообще критика XIX в. сравнивает Пушкина, признанного романтиком, с Тургеневым, Достоевским и Толстым, ведь его произведения воспринимались и оценивались большинством читателей конца XIX века в одном с ними контексте, причем в оценках критики и популярности Пушкин им, конечно, уступает.

Начиная с 1890-х гг. в Европе публикуются многочисленные издания, видимо, полюбившегося читателям «Дубровского», что подтверждало славу Пушкина как автора романтической приключенческой повести. Этому способствовало и многообразие увлекательных ее названий: «Русский бандит», «Бандит Дубровский», «Разбойник Дубровский», «Дубровский, капитан бандитов», «Дубровский — русский бандит», «Романтический разбойник»¹⁴.

В Испании переводы с русского открывает в 1840 г. перевод оды Державина «К Всевышнему», а уже в 1843 г. был опубликован отрывок «Кавказского пленника» в прозе¹⁵. Проза Пушкина стала известна испанскому читателю в июне 1847 г., когда в Валенсии была опубликована «Метель» — перевод, сделанный с перевода Дюма, который мы упоминали выше. А «Капитанская дочка» даже в самых лучших переводах последних лет выходит в сериях книг для юношества как приключенческая повесть. Судя по количеству изданий (всего их только в Испании вышло более пятидесяти), эта повесть, безусловно, самое известное испанцам и популярное произведение Пушкина. В предисловиях к первым переводам, выполненным эмигрантами, например, Р. Слабым (1920-е гг.), А. Марковым (1930–1940-е гг.), авторы, словно извиняясь, предупреждают читателей

¹⁴ А самое примечательное название, повторяющее название вольтеровского «Кандида», повесть получила в 1948 г. в барселонском издательстве — *Aguila negra* (*Dubrovski el Cándido*).

¹⁵ Подробнее о переводах и рецепции Пушкина в Испании и Латинской Америке см. главу «А.С. Пушкин: “самая прославленная жертва”» в кн. Ю.Л. Оболенской «Художественный перевод и межкультурная коммуникация», М., 2019 (глава посвящена переводам произведений поэта).

о том, что именно в простоте и ясности заключаются характерные черты и достоинства пушкинского стиля. Однако при этом сами переводчики и по сей день «грешат» стилистической правкой. Сравним оригинал и перевод знаменитого описания бурана из II главы «Капитанской дочки»:

Оригинал:

Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»

Перевод А. Маркова:

El cochero obedeció, mas sin dejar de dirigir hacia la nube sus inquietas miradas¹⁶. Estaba nervioso y menudeaban los latigazos, por más que caballos corrían veloces, presintiendo con su instinto el peligro. Por angustiosos instantes iba creciendo la nube, dilatándose amenazadora y, según iba cubriéndose el firmamento, arreciaban las ráfagas de viento. Pronto empezó a nevar. Los copos, leves en el comienzo, caían ya graves y pesadas. Silbaba el viento con trágicos aullidos y a los pocos momentos nos vimos envueltos en un torbellino blanco que nos cegó completamente, siendo ya imposible el orientarse.

¡Ay, señorito! — gritome el cochero, — ¡Pobres de nosotros! ¡Es el buran!¹⁷

Переводчик попытался улучшить и украсить оригинал с помощью клишированных романтических оборотов. Этот перевод вполне отражает господствовавшую в 1930–1940-х гг. европейскую концепцию творчества Пушкина. Такого Пушкина знали несколько поколений читателей, и отучить от него, привычного, сломать традицию далеко не так просто.

Одним из лучших, бережно воссоздающих оригинал, переводов повести «Капитанская дочка» на испанский язык, без сомнения, является перевод А. Лакаса, изданный в серии для юношества «Твои

¹⁶ Добавления переводчиков подчеркнуты нами.

¹⁷ «Ямщик повиновался, но непрестанно обращал беспокойные взгляды на облако. Он нервничал, и все чаще сыпались удары хлыста, как ни скоро бежали кони, инстинктивно предчувствуя опасность. В течение нескольких томительных мгновений облако, угрожающе увеличиваясь, разрасталось, и, по мере того как закрывалось небо, усиливались порывы ветра. Вдруг пошел снег. Хлопья, легкие вначале, теперь падали грозно и тяжело. Ветер свистел, трагически завывая, и в считанные мгновения мы оказались охвачены белым вихрем, полностью ослепившим нас, и уже невозможно было сориентироваться.

— Ах, барин! — крикнул мне ямщик, — Увы нам! Это буран!»

Puschkin A. Hija del capitán. Barcelona: Molino, 1935.

книги»¹⁸. Весьма объемная вступительная статья к нему, «Введение к приключенческому роману», посвящена истории и особенностям этого жанра, *вписывая*, таким образом, пушкинскую повесть в контекст европейской приключенческой повести. Перевод стилистически наиболее близок оригиналу, а переводчица цитирует английского литературоведа Дж. Бэйли, который, рассуждая о стилистических особенностях этой повести, отметил: «...Краткость повести Пушкина указывает на ее современность, тогда как пространность повестей В. Скотта обрекает их на счастливое существование в прошлом»¹⁹.

Во время «переводческого бума» 1930-х гг. востребованные читателями *романтизированные* переводы стихов и прозы Пушкина дополняются переводами большинства повестей и драматических произведений.

Фигура Пушкина с годами мифологизируется в том числе и благодаря последовательной романтизации, байронизации судьбы поэта. Новое мифотворчество даже становится на службу режиму Франко. Характерны «дополнения» к его биографии, сделанные в серии «Колексьон Аустраль», распространяемой крупнейшим издательством «Эспаса Кальпе» в Старом и Новом Свете. Из предидеи

¹⁸ A.S. Pushkin. La hija del capitán. Madrid. 1982, 1983. 8 ed. 1999. Кстати, проведенный мною эксперимент по оценке восприятия 17 испанскими читателями 3-х возрастных групп (от 19 до 63 лет) этого же отрывка показал, что именно перевод А. Маркова большинством из них даже сейчас оценивается как наиболее удачный. Респонденты (среди них были и филологи-испанисты) сочли, что этот перевод лучше, чем другие переводы, выполненные в последние годы, передает психологическое состояние героев и воссоздает напряженную атмосферу повествования, кроме того, язык перевода показался им более естественным. В чем же дело? Видимо, в том, что, по мнению читателей, стиль произведения XIX в. должен отвечать законам жанра, а Пушкин для них — исторический и приключенческий писатель-романтик. Поэтому испанцы, участвовавшие в эксперименте, перевод Маркова оценили еще и как более естественный и по стилю лучше соответствующий описываемой ситуации, а второй перевод, А. Лакаса, гораздо более квалифицированный и близкий оригиналу по духу и букве, считают нарочито, искусственно лаконичным и эмоционально бедным и поэтому не вызывающим у читателя сопереживания.

Для сопоставления приведем то же самое описание бурана в переводе Лакаса: *El cochero puso caballos a galope, pero no dejaba de mirar al este. Los caballos iban a buena marcha. Entre tanto, el viento iba siendo más fuerte por momentos. La nubecilla se había convertido en una nube blanca que se levantaba lentamente y crecía hasta cubrir poco a poco todo el cielo. Empezó a caer una nieve menuda, y de repente cayeron grandes copos. Aullaba el viento; había empezado la tormenta. En un instante, el cielo se juntó con el mar de nieve. Todo desapareció.*

- ¡Señor! — gritó el cochero. ¡Estamos perdidos! ¡La tormenta!

Этот перевод предельно точно, почти дословно воспроизводит оригинал, вполне передает его динамизм и драматическую напряженность, а в выборе средств художественной выразительности его отличает, пожалуй, даже некоторая «сухость» в сравнении с пушкинским описанием.

¹⁹ Op. cit. P. 198.

слова узнаем, что Пушкин «сражался против турок», что русский царь, «вернув поэта из ссылки в Петербург, осыпал его почестями и, предложив самого себя в качестве единственного цензора, заказывал ему работы, которые оплачивались большими суммами <...> После сражений с турками», Пушкин, наконец, «в семейном кругу зажил спокойной жизнью, которую оборвала дуэль»²⁰. В сущности, предлагается новый образ поэта — прирученного и одомашненного Байрона, вполне отвечающий контексту франкистской эпохи, — этот образ сменил образ поэта-революционера, известного испанцам по переводным произведениям, опубликованным в 30-е гг. — годы Республики и Гражданской войны.

В Латинскую Америку Пушкин, казалось бы, пришел вовремя, как раз в эпоху зарождения национальных литератур и короткого торжества революционного романтизма, поэтому в Новом Свете раньше, чем в Испании, появляются переводы некоторых его произведений²¹. В тех странах Латинской Америки, где национально-освободительная борьба долгие годы оставалась насущным делом, на Кубе, например, Пушкину-гражданину предъявлялся особый счет. Ярким примером критического отношения радикальной латиноамериканской интеллигенции к Пушкину может служить статья Хосе Марти (1853–1895), будущего «апостола свободы и независимости Кубы», опубликованная в нью-йоркской газете *The Sun* 28 августа 1880 г. Наверное, многих латиноамериканцев (и североамериканцев) удивит, что в течение долгих лет, находясь в США с 1880 по 1895 гг., Марти сотрудничал в крупнейших американских и латиноамериканских журналах и газетах и знакомил читателей в том числе и с русской культурой. В статье «Пушкин», опубликованной на английском языке, Марти повествует о торжествах 1880 г.²² и говорит, что Пушкин был «человечнее, талантливее... национальнее, чем Байрон», но вот «умереть за родину не смог бы...». Отсюда Марти заключает, что «как поэт Пушкин был выше Байрона, но... не как человек», поскольку «Байрон видел несправедливость и обличал ее, а Пушкин возвысил голос против нее, а затем превра-

²⁰ A. Pushkin. *La hija del capitán*. 1-a ed. Madrid, 1940; 5-a ed. Madrid, 1965.

²¹ Чилийские публикации 1870-х годов «Выстрела» (издательство «Эль Дебер», 1877), «Гробовщика» и «Метели» («Ла Эстрелья де Чиле», 1875), сделанные с французского перевода Дюма 1858 г., закрепили за Пушкиным репутацию романтика. Отмечу, что в Латинской Америке, по сравнению с Испанией, с 1870-х и до 1930-х гг. публикуется гораздо больше произведений Пушкина, однако стихи также переводятся прозой.

²² В статье довольно подробно пересказаны выступления Тургенева, Аксакова, Достоевского, Островского и др., причем с некоторыми автор не согласен, утверждая, что все выступавшие на праздновании говорили о том, что Пушкин был убит не Дантесом, а царем.

тился в камергера и историографа царя и прославлял руку, которая казнила его соотечественников». Впрочем, именно Пушкин, несмотря на то, «что он царил в салонах и был любимцем дам», по словам Марти, «разбудил русский народ», который «только тогда, пробудившись, и стал народом».

Конечно, особое распространение приобретают произведения Пушкина после Второй мировой войны в странах *социалистического лагеря*. Тогда не только советская литература, но и творчество Пушкина оказались средством идеологического воздействия на культуру и духовную жизнь целых народов Европы. И как выяснилось, вера во всемогущество прямого и непродуманного идеологического давления на культуру часто не оправдывалась. Подтверждением этого является рассказ немецкой переводчицы Пушкина — участницы большой конференции «Русский язык: исторические судьбы и современность» в 2001 г. в МГУ о том, как в немецких школах и квартирах граждан ГДР с августа 1945 г. из репродукторов ежедневно часами неслись в массы переводы «вольнлюбивой лирики» Пушкина и статей Белинского о поэте. В итоге, по мнению переводчицы, сейчас считающей Пушкина «богом поэзии», этот навязанный «экспорт поэта» приводил к устойчивому неприятию его творчества, преодолеть которое было очень тяжело. Для того чтобы немцы стали читателями и почитателями русского гения, — т. е. для подлинного знакомства и «реабилитации» поэта, неповинного в своей идеологической мифологизации, — потребовались годы.

И все же Пушкин по-прежнему воспринимается как запоздавший романтик, не «вписавшийся» в круг реалистов; в первой половине XX в. не было осмыслено и оценено новаторство его творческого метода: психологизм «Пиковой дамы», фантастический гротеск «Гробовщика» и многое другое, то, что, оставшись незамеченным у Пушкина, стало известно европейским читателям по произведениям других русских авторов. Не случайно ни один из значительных иностранных писателей и мыслителей конца прошлого века — начала нынешнего не вспоминает о нем, хотя все они неизменно подчеркивают определяющую роль творчества Толстого, Достоевского и Тургенева в развитии мировой литературы.

Важно и то, что отдельные произведения Пушкина оказались вырваны из контекста его творчества. Целостного представления о творчестве Пушкина до сих пор нет ни у европейского, ни у латиноамериканского читателя, а главное его наследие — поэтическое — по-прежнему мало известно читателям. Переводы пушкинской поэзии на английский, французский, немецкий и испанский языки, лишенные магии, энергетики смысла и музыки пушкинского стиха,

конечно, отражают актуальную переводческую концепцию оригинала, но передают в лучшем случае сюжет, состояние лирического субъекта, его переживания, которые кажутся современным читателям достаточно банальными. Один из наиболее известных и в нынешнем веке переводчиков русской поэзии на французский язык Андре Маркович, опубликовавший замечательную антологию русской романтической поэзии «Солнце Александра» (2018), посвященную Пушкину, со своими переводами Батюшкова, Баратынского, Жуковского, не стал включать в нее переводы стихотворений Пушкина. И вот как он объясняет концепцию этой антологии и своей переводческой деятельности в интервью М. Яснову: «Я понял, что на самом деле во Франции Пушкина нет. Что, может быть, главное, что есть от Пушкина, — это его отсутствие. То есть все, что я могу, — показать французам, что существует не поэт, а явление, стихия, потому что Пушкин соединяет в России и государство, российское, советское, и каждого человека»²³.

Несмотря на многие сотни переводов на европейские языки и сегодня романтическая версия судьбы поэта, в которой переплетены реальные и вымышленные события и факты, по-прежнему лучше известна читателям, чем его творчество, знакомое в основном по прозаическим и драматическим произведениям, оперным постановкам и очень спорным экранизациям. А.С. Пушкин в Латинской Америке, США и Европе оказался гениальным автором нескольких шедевров, вырванных из целостного контекста творчества поэта, а лишённые контекста разнородные и разрозненные части единой художественной системы пока не могут дать верного представления ни об этой системе, ни о ее создателе.

О Пушкине — мыслителе, психологе, Моцарте среди писателей — пытаются поведать читателям новые поколения переводчиков начиная с 1980-х гг. Проблема в том, что речь идет не о более глубоком постижении уже известного, а о знакомстве заново с пока неизвестным творчеством русского гения, и кто знает, сколько лет и переводческих усилий на это потребуется.

И в заключение — наблюдение о цикличности в популярности произведений Пушкина и признании его заслуг. Третий век в мире (с учетом национальных внутриполитических контекстов) повторяется один и тот процесс: уже в 1820-е гг. Пушкин стал своего рода визитной карточкой русской литературы, в какой-то мере *символом* зарождающейся самобытной культуры России, однако после событий, связанных с подавлением польского восстания, его *отменя-*

²³ Маркович А., Яснов М. От Тредиаковского до Бродского // Электронное издание. ТЕКСТЪ. URL: <https://textlit.de/index.php/2019/03/29/14373/> (дата обращения: 29.03.2019).

ют (заменяют Мицкевичем) почти до 1850-х, и только к концу 1880-х гг. Пушкин уже повсеместно признан национальным символом и столпом российской культуры. В начале XX в. мир охвачен *русской модой*, тогда максимума достигает волна интереса к русской культуре и Пушкину, и после 1917 г. вольнолюбивая лирика поэта становится источником вдохновения для жаждущих перемен писателей и читателей по обе стороны Атлантики. Однако с приходом к власти фашизма в Европе и началом реакции на сталинские репрессии Пушкин опять отменен, в 1950-е вновь реабилитирован, а к концу XX — началу XXI в. мы видим огромное количество новых переводов и экранизаций, и количество памятников поэту удваивается. Весной 2022 г. — отмена, но почти сразу же — возвращение в репертуар ведущих оперных театров. Так что прослеживается *системность*, и, вероятно, скоро мы увидим взлет популярности Пушкина. Такова цена статуса национального символа России? Пушкин воспринимается Западом не как литератор, а скорее как явление или мифологема, образ загадочного русского, который, вобрав в себя традиции и духовный опыт нескольких национальных культур, стал воплощением русского духа. Эту мысль прекрасно и емко выразил Гоголь: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Двести лет прошло...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М.П. Пушкин на Западе // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, Кн. 3. М.; Л., 1937. С. 104–151.
2. Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987.
3. Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. М., 1985.
4. Алексеев М.П. «Евгений Онегин» на языках мира // Мастерство перевода. М., 1965, С. 273–286.
5. Астуриас М.А. Русская литература в странах Латинской Америки // Культура и жизнь. 1958. № 3. С. 46–49.
6. Берков П.Н. Пушкин в переводах на западноевропейские языки // Вестник АН СССР. 1937. № 2–3. С. 222.
7. Бугреева Е.А. Переводы и переводчики произведений А.С. Пушкина на английский язык: история и современность // Проблемы перевода, языка и литературы: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 21. 2018. С. 8–23.
8. Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: Материалы дискуссии 11–15 января 1960 г. М., 1961. С. 38.
9. Вогюэ Э.М. Русский роман. СПб., 1886.
10. Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977.
11. Леман Ю. Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецких писателей с XVIII в. и до настоящего времени. М., 2018.

12. Маркович А., Яснов М. От Тредиаковского до Бродского // Электронное издание. ТЕКСТЪ. URL: <https://textlit.de/index.php/2019/03/29/14373/> (дата обращения: 29.03.2019).
13. Менъе А. Пушкин во Франции в 1940-1956 годах // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.; Л., 1958. С. 450–458.
14. Мериме П. Избранные произведения. М., 1930. С. 492–493.
15. Нейштадт В. Пушкин в мировой литературе // Труды Пушкинской сессии АН СССР. М.; Л., 1938.
16. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М., 2019.
17. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Кн. 3. М.; Л., 1937.
18. Пушкин. Исследования и материалы. Т. 7. Пушкин и мировая литература. Л., 1974.
19. Рахманов В.В. Русская литература в Испании // Язык и литература. Т. V. Л., 1933.
20. Русско-европейские литературные связи: Сб. статей. Л., 1966.
21. Тик Н.А. Первые переводы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на итальянский язык // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 68–75.
22. Челышев Е.П. Из истории постижения смыслов пушкинского текста: проблемы языка, понимания и культуры перевода // Электронное научное издание альманах «Пространство и Время». 2015, Т. 10. Вып. 1.
23. Чуковский К.И. Высокое искусство. О художественном переводе. М., 1988.
24. Чуковский К.И. Онегин на чужбине // Дружба народов. 1988. № 4. С. 246–257.
25. Шкловский В. Задачи о прозе русских классиков. О произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Чехова. М., 1953.
26. Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. М.; Л., 1963.
27. Chandler R. A Short Life of Pushkin. L., 2017.
28. Eugene Onegin. A Novel in verse by Alexandr Pushkin. Tr... by Vladimir Nabokov in four vol. 1964. T. 1–4.
29. Lo Gatto E. Puškin. Storia di un poeta e del suo eroe. Milano, 1959.
30. Gibelli V. Puskin e Tolstoi. Milano, 1964.
31. Meynieux A. Traductions francaises in Pouchkine A. Le cavalier de bronze. Paris, 1959.
32. Mongault H. Pouchkin en France // Revue de Littérature comparée. Paris, 1937.
33. Osborne E.A. Early translations from Russian. L., 1932.
34. Pardo Bazán E. La revolución y la novela en Rusia. Madrid, 1887.
35. Pardo Bazán E. Obras completas. V. 1–3. Madrid, 1973.
36. Provenzal A. Pushkin guidicado da Castelar Estratto dalla Rivista Europea. Firenze. 1874, pp. 9–12.
37. Revue française et étrangere, 1837, vol. III, pp. 352–392.
38. Schanzer G. La literatura rusa en el mundo hispánico: Bibliografía. Toronto, 1972.
39. Strahl I. Puschkin und Tschtchov. Berlin, 1955.
40. Zúñiga J.E. El anillo de Pushkin: lectura romántica de escritores y paisajes rusos. Barcelona, 1983.

REFERENCES

1. Alekseev M.P. Pushkin na Zapade [Pushkin in the West] // *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii*. AN SSSR. Insitut literatury. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1937. Issue 3, pp. 104–151. (In Russ.)
2. Alekseev M.P. Pushkin i mirovaya literatura [Pushkin and world literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 617 p. (In Russ.)

3. Alekseev M.P. Russkaya kul'tura i romanskij mir [Russian Culture and the Romanesque World]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 540 p. (In Russ.)
4. Alekseev M.P. «Evgenij Onegin» na yazykah mira ['Eugene Onegin' in the languages of the world] // *Masterstvo perevoda* [Mastery of translation]. Moscow, Soviet writer, 1965, pp. 273–286. (In Russ.)
5. Asturias M.A. Russkaya literatura v stranah Latinskoj Ameriki [Russian literature in Latin American countries] // *Russian literature in Latin American countries* // *Kul'tura i zhizn'*. 1958, no. 3, pp. 46–49. (In Russ.)
6. Berkov P.N. Pushkin v perevodah na zapadnoevropejskie yazyki [Pushkin in translations into Western European languages] // *Vestnik AN SSSR*. 1937, no. 2–3, p. 222. (In Russ.)
7. Bugreeva E.A. Perevody i perevodchiki proizvedenij A.S. Pushkina na anglijskij yazyk: istoriya i sovremennost' [Translations and translators of A.S. Pushkin's works into English: history and modernity] // *Problems of translation, language and literature: Collection of academic papers. The series "Language. Culture. Communication"*. 2018. Issue 21, pp. 8–23. (In Russ.)
8. Vzaimosvyazi i vzaimodejstvie nacional'nyh literatur [Interrelations and interaction of national literatures]. Materials of the discussion on January 11–15, 1960. Moscow, Moscow University Publ., 1961, p. 38. (In Russ.)
9. Vogué E.-M. Russkij roman [Russian novel]. Saint Petersburg, 1886. (In Russ.)
10. Grigoryev A.L. Russkaya literatura v zarubezhnom literaturovedenii [Russian literature in foreign literary studies]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 302 p. (In Russ.)
11. Leman Yu. Russkaya literatura v Germanii. Vospriyatie russkoj literatury v hudozhestvennom tvorchestve i literaturnoj kritike nemeckih pisatelej s XVIII v. i do nastoyashego vremeni [Russian literature in Germany. The perception of Russian literature in the artistic work and literary criticism of German writers since the 18th century and up to the present time]. Moscow, Yask Publ., 2018. 690 p. (In Russ.)
12. Markovich A., Yasnov M. Ot Trediakovskogo do Brodskogo [From Trediakovsky to Brodsky] // Electronic edition. Text. URL: <https://textlit.de/index.php/2019/03/29/14373/>. Accessed 29.03.2019.
13. Meynieux A. Pushkin vo Francii v 1940–1956 godah [Pushkin in France in 1940–1956] // *Pushkin. Research and materials*. Moscow; Leningrad, AN SSSR, 1958, pp. 450–458. (In Russ.)
14. Mérimée P. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. M., 1930, pp. 492–493 (In Russ.)
15. Nejshtadt V. Pushkin v mirovoj literature [Pushkin in world literature] // *Proceedings of the Pushkin Session of the AN SSSR*. Moscow; Leningrad, 1938. (In Russ.)
16. Obolenskaya Yu.L. Hudozhestvennyj perevod i mezhkul'turnaya kommunikaciya. [Artistic translation and intercultural communication]. Moscow, Librokom. 2019. 264 p. (In Russ.)
17. Pushkin. Vremennik Pushkinskoj komissii. Book 3. Moscow; Leningrad, 1937. (In Russ.)
18. Pushkin. Issledovaniya i materialy. T. 7. Pushkin i mirovaya literatura [Research and materials. Vol. 7. Pushkin and World literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)
19. Rahmanov V.V. Russkaya literatura v Ispanii [Russian literature in Spain] // *Language and Literature*. Vol. V. Leningrad, 1933. (In Russ.)
20. Russko-evropejskie literaturnye svyazi [Russian-European literary relations]. Collection of articles, L., 1966. (In Russ.)
21. Tik N.A. Pervye perevody romana A.S. Pushkina «Evgenij Onegin» na ital'yanskij yazyk [The first translations of A.S. Pushkin's novel «Eugene Onegin» into Italian] // *Imagology and Comparative Studies*. 2022, no. 17, pp. 68–75. (In Russ.)

22. Chelyshev E.P. Iz istorii postizheniya smyslov pushkinskogo teksta: problemy ya-zyka, ponimaniya i kul'tury perevoda [From the history of comprehension of the meanings of the Pushkin text: problems of language, understanding and culture of translation] // *Electronic academic publication almanac 'Space and Time'*. 2015, vol. 10, issue 1. (In Russ.)
23. Chukovskij K.I. Vysokoe iskusstvo. O hudozhestvennom perevode [High art. About literary translation]. M., Soviet writer, 1988. (In Russ.)
24. Chukovskij K.I. Onegin na chuzhbine [Onegin in a foreign land] // *Druzhba narodov*. 1988, no. 4, pp. 246–257. (In Russ.)
25. Shklovskij V. Zametki o proze russkikh klassikov. O proizvedeniyah Pushkina, Gogolya, Lermontova, Turgeneva, Tolstogo, Chekhova [Notes on the prose of Russian classics. About the works of Pushkin, Gogol, Lermontov, Turgenev, Tolstoy, Chekhov]. Moscow, Soviet writer, 1953. (In Russ.)
26. Etkind E.G. Poeziya i perevod [Poetry and Translation]. Moscow; Leningrad., Soviet writer, 1963. (In Russ.)
27. Chandler R. A Short Life of Pushkin. Leningrad, 2017.
28. Eugene Onegin. A Novel in verse by Alexandr Pushkin. Tr... by Vladimir Nabokov in four vol. 1964. Vol. 1–4.
29. Lo Gatto E. Puškin. Storia di un poeta e del suo eroe. Milano, 1959.
30. Gibelli V. Puskin e Tolstoi. Milano, 1964.
31. Meynieux A. Traductions francaises in Pouchkine A. Le cavalier de bronze. Paris, 1959.
32. Mongault H. Pouchkin en France // *Revue de Littérature comparée*. Paris, 1937.
33. Osborne E.A. Early translations from Russian. Leningrad, 1932
34. Pardo Bazán E. La revolución y la novela en Rusia. Madrid, 1887.
35. Pardo Bazán E. Obras completas. V. 1–3. Madrid, 1973.
36. Provenzal A. Pushkin guidicado da Castelar Estratto dalla Rivista Europea. Firenze, 1874, pp. 9–12.
37. Revue française et étrangere, 1837. Vol. III, pp. 352–392.
38. Schanzer G. La literatura rusa en el mundo hispánico: Bibliografía. Toronto, 1972.
39. Strahl I. Puschkin und Tschitchov. Berlin, 1955.
40. Zúñiga J.E. El anillo de Pushkin: lectura romántica de escritores y paisajes rusos. Barcelona, 1983.

Поступила в редакцию 11.05.2024
 Принята к публикации 28.08.2024
 Отредактирована 01.12.2024

Received 11.05.2024
 Accepted 28.08.2023
 Revised 01.12.2024

ОБ АВТОРЕ

Оболенская Юлия Леонардовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; obolens7@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yulia L. Obolenskaya — Prof. Dr., Head of the Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; obolens7@yandex.ru